

БОЕВОЙ ПОРЯДОК

СОЮЗ

Верховное командование

Лорд-маршал Крой — главнокомандующий войсками его величества на Севере.

Полковник Фельниг — первый его помощник, с редкостно мелким подбородком.

Полковник Бремер дан Горст — королевский обозреватель Северной войны; некогда посрамленный главный фехтовальщик, в прошлом Первый страж короля.

Рурген и Унгер — его верные слуги, один старше, другой... Унгер.

Байяз, первый из магов — лысый чародей, возраст которого насчитывает предположительно несколько столетий; влиятельный представитель закрытого совета, то есть один из ближайших советников короля.

Йору Сульфур — его дворецкий, телохранитель и главный казначей.

Денка и Сауризин — два старых адепта Университета Адуи; академики, колдующие под началом Байяза над неким опытом.

Дивизия Челенорма

Генерал Челенгорм — старый друг короля, небывало юный для подобного звания; слышет храбрецом, склонным иной раз к опрометчивости.

Реттер — его тринадцатилетний горнист.

Полковник Валлимир — честолюбец, командующий Первым полком Собственных Королевских войск.

Первый сержант Форест — старший из младших чинов в составе Первого полка.

Капрал Тинни — завзятый шулер и деляга из числа старослужащих, он же знаменщик Первого полка.

Рядовые Желток, Клайг, Уорт и Ледерлинген — новобранцы, состоят под началом Тинни в качестве посыльных.

Полковник Веттерлант — командир Шестого полка, педант, каких по-искать.

Майор Калфер — его паникер-подчиненный.

Сержант Гонт, рядовой Роуз — солдаты Шестого полка.

Майор Попол — командир Первого батальона Ростодского полка.

Капитан Ласмарк — бедняга-капитан того же Ростодского полка.

Полковник Винклер — храбрец-командующий Тринадцатым полком.

Дивизия Миттерика

Генерал Миттерик — истый рубака; волевой, но достаточно скверно-подданный, с безрассудно крутым норовом.

Полковник Опкер — его старший заместитель.

Лейтенант Димбик — скромный молодой офицер из числа подчиненных Миттерика.

Дивизия Мида

Лорд-губернатор Мид — как военачальник никуда не годен; шея словно у черепахи; в мирное время — наместник Инглии, известно, что к северянам расположен как свинья к мяснику.

Полковник Гарод дан Брок — честный и усердный подчиненный Мида; сын пресловутого изменника.

Финри дан Брок — страстно-амбициозная супруга полковника Брока, дочь лорд-маршала Кроя.

Полковник Бринт — за старшего у Мида; старый друг короля.

Ализ дан Бринт — юная неискушенная жена полковника Бринта.

Капитан Хардрик — офицер Мида, известен лосинами в обтяжку.

Люди Ищейки

Ищейка — вождь тех северян, что сражаются против Союза. Старинный приятель Девяти Смертей и некогда близкий друг Черного Доу, теперь же злейший его враг.

Красная Шляпа — второй Ищейки, носит красный клобук.

Черствый — названный с большим житейским опытом, возглавляет дюжину Ищейки.

Красная Ворона — один из карлов Черствого.

СЕВЕР

Трон Скарлинга и его окружение

Черный Доу — протектор Севера или его узурпатор, смотря кого об этом спросить.

Треснутая Нога — его второй, в смысле главный телохранитель и лизоблюд.

Ишри — его советница, колдунья с пустынного Юга и заклятая врагиня Байяза.

Кол Трясучка — названный, в шрамах и с металлическим глазом; некоторые именуют его псом Черного Доу.

Кернден Зобатый — названный, слывущий образцом обходительности; некогда второй Рудды Тридуба, затем на службе у Бетода, а ныне предводитель дюжины у Черного Доу.

Чудесница — его терпеливая вторая.

Жужело из Блая — известный герой; коренной северянин, обладатель Отца Мечей. Зовется также Щелкуном, поскольку у самого в черепе давно уже что-то не то треснуло, не то щелкнуло.

Весельчак Йон Камбер, Брек-и-Дайн, Скорри Легкоступ, Агрик, Атрок и Дрофа — прочие люди из дюжины Зобатого.

Люди Скейла

Скейл — старший сын Бетода, ныне наименее влиятельный из пяти боевых вождей Доу — сильный как бык, храбрый как бык, с бычьими же мозгами.

Бледный-как-снег — когда-то боевой вождь Бетода, теперь второй у Скейла.

Ганзул Белый Глаз — названный, слепой на один глаз; некогда герольд Бетода.

Принц Кальдер — младший сын Бетода, объявленный трусом и изменником; пребывает в изгнании за предложение о мире.

Сефф — его беременная жена, дочь Кола Ричи.

Глубокый и Мелкий — пара головорезов, присматривающих за Кальдером в расчете на поживу.

Люди Кола Ричи

Кол Ричи — один из пяти боевых вождей Доу; пожилой воин, славный доблестью; отец Сефф, а значит, тесть Кальдера.

Бридиан Поток — названный, в прошлом человек из дюжины Зобатого.

Бек — молодой селянин, жаждущий ратных подвигов; сын Шамы Бессердечного.

Рефт, Кольвинг, Стоддер и Брейт — совсем юнцы, силоком загнанные служить и попавшие в подчинение к Беку.

Люди Гламы Золотого

Глама Золотой — один из пяти боевых вождей Доу, невыносимо тщеславный, погрязший в междоусобице с Кейрмом Железноголового.

Сатт Хрупкий — названный, о злодействе и скаредности которого ходят легенды.

Снулый — карл в услужении у Золотого.

Люди Кейрма Железноголового

Кейрм Железноголовый — один из пяти боевых вождей Доу, непревзойденный упрямец; состоит в междоусобице с Гламой Золотым.

Кудрявый — смелый и стойкий разведчик.

Ириг — воин с боевым топором, нрава прескверного.

Жига — лучник-сквернослов.

Прочие

Бродд Тенвейз — самый преданный из пяти боевых вождей Доу, гнусный, как инцест.

Стук Врасплох — неимоверных размеров варвар; не приемлет все, что так или иначе связано с цивилизованностью. Вождь всех земель к востоку от Кринны.

Вернувшиеся в грязь (мертвые, считающиеся мертвыми, или умершие давно):

Бетод — первый король северян, отец Скейла и Кальдера.

Скарлинг Простоволосый — легендарный герой, когда-то объединивший Север против Союза.

Девять Смертей — некогда сторонник Бетода, внушавший ужас всему Северу; какое-то время считался королем Севера — недолго, пока не был убит Черным Доу, так, во всяком случае, это преподносится.

Рудда Тридуба — знаменитый своей доблестью вождь Уфриса, враждовавший с Бетодом; был повержен на поединке Девятью Смертями.

Форли Слабейший — слабый боец, сотоварищ Черного Доу и Ищейки; убит по приказу Кальдера.

Шама Бессердечный — знаменитый воин, сраженный Девятью Смертями; отец Бека.

ПЕРЕД БИТВОЙ

Несчастлива та страна,
которая нуждается в героях.

Бертольд Брехт

Времена

-Э, ч-черт, стар я становлюсь для всего этого, — бормотал Зобатый.

При каждом шаге он морщился от боли в колене. На покой пора. Причем давно. Сидеть на завалинке за домом, с трубочкой, щуриться с улыбочкой на закат, смотреть, как солнце уходит в воду, а за спиной оставлять прожитый в честных трудах день. Дома, впрочем, у Зобатого не было. Но когда появится, то непременно хороший.

Он пробрался через пролом в развалинах стены; сердце лупило, как плотницкая киянка, — а все от долгого подъема по крутому склону, да от буйной, хватающей за башмаки травы, да еще от разгульного ветра, пригибающего к земле. А если по правде, то более всего от страха, что наверху можно запросто встретить кончину. Зобатый и так-то не отличался по жизни бесшабашностью, а теперь, с возрастом, и вовсе осторожничал. Странно как-то: чем меньше годов остается терять, тем сильнее страх их лишиться. Должно быть, человек от рождения снабжен запасом храбрости, который с каждой передрыгой скудеет. А у Зобатого передрыг было хоть отбавляй. И, видимо, сейчас он втягивался в очередную.

Когда тропинка стала наконец сравнительно пологой, Зобатый приостановился отдышаться, утирая руками слезящиеся от ветра глаза. Он пытался сдерживать кашель, но тот делался лишь еще более надсадным. Из темноты проглянули Герои, огромными дырами в ночном звездном небе; вчетверо, если не больше, крупнее людей. Гиганты, брошенные прозябать на продуваемом холме. Вот так и стоят мрачными упрямыми стражами над пустотой. Интересно, сколько весит этакая глыба. Только мертвым известно, каково оно было, взволакивать сюда чертовы каменюки. Или кто их волок. Или зачем. Так или иначе, но мертвые неразговорчивы, а присоединяться к ним для выяснения подробностей в расчет у Зобатого не входило.

На шероховатых краях камней мелькали слабые неровные отсветы, а в тихом завывании ветра слышались людские голоса. Зобатый вспомнил о неотступной опасности, и его окатила свежая волна страха. Хотя страх сам по себе штука полезная, если не отшибает мозги. Рудда Тридуба говорил как-то об этом, хотя и давно. Если вдуматься, то он не вредит. Или вредит наименьшим образом. Иногда это единственное, на что остается уповать.

А потому Зобатый глубоко вдохнул и попробовал вернуть ощущение молодости, когда суставы еще не донимали, а море было по колено, высмотрел подходящую расщелину в старых камнях и полез в нее. Когда-то в древности здесь, наверно, было овеянное магией святилище, и незванный гость сейчас совершал немислимое святотатство. Но если кто-то из бывших богов и обиделся, то не подал виду — разве что траурно вздохнул ветер, только и всего. Магии нынче сильно не хватает, как и святости. Уж такие времена.

Свет сместился на Героев — рыжеватые выщербины в камне, пятна мха, вокруг — заматерелые кусты ежевики, крапива и бурьян. Одному истукану недоставало верхней половины, пара других за века обрушились под собственным весом, образовав бреши, подобные щербатым зубам в оскале черепа.

Приглядевшись, Зобатый насчитал восьмерых людей, тесно сидящих вокруг костра: латаные-перелатаные плащи, рванина, а то и просто накинутые одеяла. Изменчивый свет трепетал на худых лицах — впалые щеки, шрамы, щетина и бороды. Тусклые отблески поигрывали на щитах и клинках. Много оружия. Народ по большей части молодой, хотя не особо отличается от отряда Зобатого. Нет, не особо. Мелькнула даже мысль, не Ютлан ли сидит вон там, лицо повернуто в профиль? Теплое чувство шевельнулось внутри, с губ почти сорвалось приветствие.

Ох, да ведь Ютлан уж двенадцать лет как в могиле, Зобатый лично говорил над ним прощальные слова. Наверно, на свете есть лишь определенное количество лиц, ни больше ни меньше. А если доживешь до зрелого возраста, начинаешь запускать их перед собой по новому кругу.

Зобатый поднял руки, показывая открытые ладони и изо всех сил стараясь, чтобы они не дрожали, подал голос:

— Славного вечера!

Люди обернулись, дернулись к оружию. Один схватился за лук — у Зобатого внутри оборвалось, — но натянуть тетиву не успел: сидевший рядом воин — дюжий, пожилой — рывком пригнул его руку.

— Ну-ка постой, Красная Ворона, — сказал он, поведя окладистой седой бородой.

На коленях у воина посверкивал вынутый из ножен меч. Зобатый выдавил что-то похожее на улыбку: он узнал его. Расклад уже не такой беспросветный.

Звали этого человека Черствым. Был он из числа названных, и из числа знакомых. Помнится, когда-то они даже рубились в нескольких боях по одну сторону, а в каких-то других, кажется, по разные. Выглядел воин солидно: закаленный боями и жизнью, рассудительный — не из тех, что сначала сечет голову, а потом начинает ее о чем-то спрашивать, а последнее нынче все больше входит в обиход. И в отряде он, судя по всему, старший: ишь как этот вот, Красная Ворона, насупился, но уступил, отложил-таки лук, что само по себе очень хорошо. Не хватало еще отдать из-за него концы. Говоря без ложной скромности, такие вещи Зобатый применительно к себе ценил вдвойне. К тому же до рассвета еще добрых несколько часов, а вокруг слишком много заостренной стали.

— Мертвые! — воскликнул Черствый.

Внешним спокойствием он не уступал Героям, хотя рассудком был не в пример проворнее.

— Разрази меня гром, если это не Кернден Зобатый пожаловал к нам под покровом ночи. Или я ошибаюсь?

— Нет, не ошибаешься.

Зобатый, ладони все так же на весу, сделал несколько плавных шагов вперед, стараясь держаться как можно непринужденной под гвездящими взглядами враждебных глаз.

— А ты, я вижу, поседел, Зобатый.

— Как и ты, Черствый.

— Н-да. Война, сам знаешь, — старый воин похлопал себя по животу. — Видишь вот, нервы совсем поизносились.

— Честно признаться, и у меня тоже.

— Кому ж быть солдатом?

— Нелегкое это дело. Да еще говорят, старый конь новых барьеров не берет.

— А я нынче скакать и не пыжусь, — заметил на это Черствый. — Ты, я слышал, сражаешься со своей дюжиной на стороне Черного Доу?

— Сражаться пытаюсь как можно меньше, а насчет стороны ты прав. Кормит меня Доу.

— Кормежку я люблю. Меня нынче кормит как раз Союз.